

Роман БАЛАЯН:

«В КИНО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ «МНОГО ПРАВДЫ»

Имя кинорежиссера Р. Балаяна несколько лет тому назад мало что говорило массовому зрителю, не баловали его критика и широкий экран. И вдруг—всплеск внимания: Государственная премия СССР за 1987 год, приглашение на «Мосфильм», предложения ряда западных кинофирм о совместных лентах, авторские вечера. Что стоит за этим успехом, связан ли он с теми изменениями, которые происходят в сегодняшнем кинематографе и шире, с переосмыслением роли человека, личности в искусстве! Об этом беседа с кинорежиссером на студии «Мосфильм».

— Роман, поздравляю вас, правда, с небольшим опозданием, с присуждением Государственной премии СССР. Вы получили ее за фильм «Полеты во сне и наяву», снятый еще в 1982 году и, помнится, вызвавший ворчание иных критиков, которым не по нраву оказался главный герой фильма, человек, никак не укладывающийся в привычную схему «социально-дозволенной личности», человек, который чувствовал себя лишним, незащищенным в нашем социалистическом обществе. А вы, к тому же, брали его под защиту, делали «героем нашего времени».

— Да, было такое. К счастью, сегодня эти обвинения выглядят смешотворно. Отрадно, что и в политике, и в искусстве мы сумели повернуться лицом к человеку, именно к человеку, а не к массам, стараемся понять его нужды, заботы, по чему он такой.

— Но мне кажется, что в последних ваших фильмах преобладает прокурорский, «менторский» тон. Разумеется, все мы истосковались по правде, будь она самая беспощадная, но при этом порой забываем, что за всяким действием стоит живой человек, которому не чуждо ничто человеческое. Вам же,

как режиссеру, более подходит роль адвоката. Скажем, того же Макарова в «Полетах...»

— Я с вами не согласен. Во многих фильмах прокурорский тон — не прихоть режиссера. Ведь мы сегодня возвращаем себе нашу историю, пусть порой трагическую, но от которой мы не имеем права отказываться. Посудите сами, ну как можно понять и простить отца и сына Арамидзе в «Покаянии»? Остановимся на том, что эти люди—продукт своего времени, что сама система рождала таких чудовищ. Приняв такую точку зрения, мы благословим их на новые преступления. В кино, как и в других видах искусства, не может быть «много правды».

Я же, наверное, обречен быть адвокатом человека в моих фильмах. Но ведь у меня иной герой, иная ситуация.

— В таком случае поговорим о вашем последнем фильме «Филер». Здесь разрабатывается вечная тема в искусстве — человек и предательство. Интересно прежде всего ваше отношение к главному герою, Воробьеву. Само название фильма несет в себе что-то обличающее. Но вправе ли мы судить его, когда сегодня в менее экстремальных ситуаци-

ях мы гораздо легче поступаемся своими принципами!

— Нет, нет, это не фильм обличения, это фильм сострадания, фильм, вызывающий к милосердию. В данном случае название фильма «Филер» играет роль ложного ориентира, чтобы провзрять зрителя. И я рад, что многие поняли мысль, лежащую в основе фильма.

— Судя по вашим фильмам, вы очень любите русскую классическую литературу. Фильмом «Каштанка» вы утвердили право на «своего Чехова», фильмом «Храни меня, мой талисман» — на «своего Пушкина». Теперь вы снимаете «Леди Макбет Мценского уезда» по мотивам повести Лескова. Зрители у нас, в Армении, ждут от вас «армянской темы». Вы не разговорили о своем желании экранизировать «Буйволицу» Г. Матевосяна. Не останется ли это лишь желанием!

— Я должен сдать «Буйволицу» в конце 1990 года. Таковы реальные планы мси и студии «Арменфильм». Не хочу торопиться: архисложное дело это—передать зрительными образами мир произведений Г. Матевосяна. И почему именно русская классика! Я родился и учился в школе в Карабахе, и армянской литературе, теперь это всем известно, не было почти стесненности места в школьных программах. С ней я познакомился намного позже. Снял мал фильмы в Кизеве, на киностудии имени Довженко. Не хотел выглядеть дилетантом, по этому так долго иду к армянской тематике в своем творчестве.

— Ваши фильмы рассчитаны

на подготовленного, вдумчивого зрителя. Тот же «Бирюк» — фильм почти немой, «Филер» — иной подход к раскрытию нравственного состояния человека. Особой пластики, режиссерских решений требует и «Буйволица», вы выбрали одного из самых сложных современных армянских авторов. Это, разумеется, ограничивает круг ваших зрителей. Нет ли у вас искушения снимать игровые ленты, рассчитанные на самого массового зрителя!

— Искушение есть, не скрою. Но у меня еще много тем, много боли, которые могут быть поняты не всеми. Вопрос, скорее, не в том, как расширить круг моих зрителей через «массовое кино», а в том, как сделать так, чтобы все остальные поняли, приняли мои фильмы. Но как это сделать, я пока не знаю.

— С кем из актеров вам нравится работать! Хотя ответ напрашивается сам собой: с Олегом Янковским!

— С Янковским мне легко, он понимает меня с полуслова. Очень широк и диапазон его творческих возможностей, «от Христа до мерзавца», — как подшучивают над ним друзья.

— Какие фильмы произвели на вас наибольшее впечатление!

— «Окраина» Б. Барнета, «Земля» А. Дозженко, «Амаркорд» Ф. Феллини, шведско-норвежский фильм «Голод» по К. Гамсуну. Это если по большому счету.

— Армянский кинематограф сегодня... Он вызывает большие нарекания, мы ждем от

него большего. Ведь за его спиной богатейшие традиции. Интересно ваше мнение на этот счет.

— Мы должны смотреть в будущее, поэтому меня волнует скрепя завтрашний день армянского кинематографа. Обнавление нашего общества обязательно даст свои результаты и в кинематографе. В Армении до сегодняшних дней, мне кажется, действовал кинсвязывалс по рукам табу «запретных» тем. А ведь сколько страниц армянской истории требует своего воплощения, и не только в кино! К тому же, я уверен, на «Арменфильме» скоро появится достойное по полноте, если судить по талантливой молодежи, которая обучается сегодня во ВГИКЕ и на Высших режиссерских курсах в Москве. Я верю в этих талантливых армянских ребят, а значит, и в завтрашний день армянского кинематографа.

— Наши читателей интересуют ваши творческие планы.

— Приступаю к съемкам фильма «Леди Макбет Мценского уезда», потом «Буйволица» и... очень хочется осознаться, пообзательничать, подумать. Но это пока слова, а как получится, не знаю. По крайней мере ничего не планирую, просто надо пока собраться с мыслями.

— Мне остается только поблагодарить вас. По правде говоря, не верится, что вы способны обречь себя даже на кратковременное бездействие. А значит, мы ждем от вас новых фильмов, новых творческих удач.

Беседу вел
Т. АКОПЯН.